

Январь 2000 г.

1 января. Вот и перешли в 2000-й год. В детстве я думал:

- А ведь может такое случиться, что я доживу до 2000-го года! Вот будет здорово!

Всё наше семейство: Ирина, Митя, Лена, Сашуля, Ваня, Алёша, Миша в канун Нового 2000-го года

Ну, вот и дожил. Здорово, что не год круглый, а что мы собрались такой тёплой компанией: мы с Сашулей, дети, внуки, Иван с Леной - тоже вроде наши дети. Михаил такой длинный и удивительно спокойный, благодущный, ничего похожего на неугомонного дразнителя своего младшего брата. Учится хорошо, с удовольствием занимается плаванием и запоем читает книги про войну.

Все новогодние подарки с надписями на бирочках "для кого" были сложены в огромный мешок, из которого их доставал Алексей и объявлял - кому. Подарков было множество, и все остались очень довольны.

А я рукав рубахи прожёл свечкой, стоявшей на столе.

После новогодней ночи около полудня я бегал и на Верхнем видел пойманных (в том числе и при мне) подлещиков граммов по 150.

А вечером к нам в гости приходили Галина Якимова, Кореньков с Андреем, сыном умершей Нининой сестры, оставшимся в их семье, и Шагимуратовы Юра с Леной. У Кореньковых напасти не кончаются. Нина в Новосибирске только что Юриногo брата двоюродного похоронила. У Шагимуратовых внучка семимесячная, а Эльвира мужа своего прогнала - пьёт.

Серёга Епифанов, который утонул на рыбалке, оказывается, должен был деньги привезти за мой проданный, наконец, мотоцикл. Вряд ли кто теперь привезёт.

Коля Ноздрюхин помер.

И трудовых достижений немного в кореньковской лаборатории. Затмение промоделировали и всё. Подработками народ, в основном, занят. А вот Шагимуратов с поляками эффективно сотрудничает. Те ему техники накопили приличной.

Про рыбалку и лёд на заливах оба Юры ничего мне сказать не могли, как и Иван. Считают, что нет льда на заливах, хотя на Куршском-то я его самолично видел с самолёта.

Сашуля с дочкой и внуками, январь 1999 г.

2 января. С утра ясно и минус 2, но к обеду уже ветер с южного сменился на западный и пошло теплеть. А я продолжил читать роман Опекунова, который, оказывается, два года уже как здесь лежит вместе с письмом Володи ко мне. Вот оно.

4.01.98
Минск

Здравствуйтесь, дорогие Александр Андреевич, Александра Николаевна, Ира и Ваня! Привет вашим детям и внукам. Поздравляю вас с Новым 1998 годом, желаю крепкого здоровья, успехов и счастья!

В продолжение моего звонка Ване пишу это письмо. Я надеюсь, что до его получения Ваня уже сообщит мне сведения по числу Вольфа за 1989-97 годы и проблема будет снята, то есть она останется только для Раи. Диссертацию она написала и представила, но, как всегда это бывает, кому-то захотелось связать возникновение послеродовых психозов с лунными фазами (что уже сделано) и солнечной активностью.

Интересно, что такие связи устанавливают между совершенно, как мне кажется, независимыми событиями, например, солнечной активностью и численностью грызунов. Мне само число Вольфа кажется искусственным, имеющим какую-то нефизическую природу, а уж как определить численность грызунов в какой-либо местности - ума не приложу.

У Раи выборка больных около двух сотен общей численности. Эта группа разделена на подгруппы по синдромам, так что в каждой подгруппе остается по десять-пятнадцать человек. Сезонную зависимость она установила. Чаще всего болезнь развивается, например, весной (по синдромам есть различия). Сама же Рая и объясняет это тем, что летом люди стараются не обнаруживать свои заболевания, осенью некогда это делать, так как идёт сбор урожая и отправление детей в школу, а зимой - холодно ехать в больницу. Так что весна - самое лучшее время для психической болезни. То есть связь какая-то опосредованная. Но это не важно. Всё это вполне укладывается в современную медицину. Проблема в том, что в нашей стране, Белоруссии, нет учреждений, которые занимались бы солнечной активностью, а с начала девяностых годов была приостановлена связь с Академией Наук России и соответственно никакой обмен информацией не осуществлялся. Белорусы даже пытались публиковать свои научные труды на белорусском языке, но, к счастью, этот угар прошёл сам по себе, так как не оказалось денег не только на белорусский язык, но и на русский. В это время трезвые головы задумались, для кого мы будем печатать свои труды. Если на белорусском, то получается, что для самих себя. А есть ли в этом смысл? Есть, но не большой. Все эти события, достаточно грандиозные по масштабам, послужили причиной моего обращения к Ване.

Вы уже не раз выручали наше семейство в трудные минуты, так что приходится идти по проторенной дороге. Я уверен, что это вам зачтётся, как добро, которое вы творите совершенно бескорыстно. Тем не менее, я буду рад летом, и надеюсь, что это произойдёт, зайти к вам с бутылкой коньяка и отметить радостную встречу.

Это письмо я пишу в своём метрологическом вагоне на станции Минск-Северный. В декабре я предвкушал удовольствие от того, что в начале января идут сплошные праздники, и я смогу отпечатать уже написанный сценарий кинофильма, триллер, мелодрама, комедия. Но наши метрологи не смогли

забрать вовремя динамометр из госпроверки, на десять тонн, весом килограммов восемь, а везти его в руках в Могилёв не хотят, поэтому и задержали вагон в Минске, чему я не очень рад, так как меня перегоняют в пределах Минска со станции на станцию и не дают покоя. Кроме того, приходится топить наш универсальный комбинированный котёл углем, а не от сети, что доставляет дополнительные хлопоты. Приходится также ездить домой на приём пищи. А на сегодня я запланировал поход вместе с Раей в гости к моему университетскому товарищу Коле Богомолу, который живёт в Минске уже двадцать пять лет, и уже женил своего старшего сына. Его жена - Галка тоже училась с нами на физмате. Мы иногда встречаемся, а Новый год вроде как праздник семьи старых друзей.

Наша жизнь протекает без особых изменений, что, может быть, и хорошо. Хотелось бы лучшего, но приходится довольствоваться тем, что есть. Я всё же надеюсь, что при нашей жизни наступит некоторое улучшение, было бы здоровье.

Дети закончили четверть без троек. С одной стороны, чего хорошего, а с другой - в первой четверти у младшего пятиклассника Саньки были две тройки, по русскому и белорусскому языкам. Так что есть прогресс. Старший сын Андрей учится в девятом классе, третий год ездит на курсы пользователей компьютерами, по математике имеет пятёрку. Это меня радует.

Ваня, храни мой роман. А ещё лучше дай его почитать кому-нибудь. Любые отзывы мне интересны. Василий Слещкин как-то показывал мой роман своему другу Лёше Трофимову, который сейчас заведует кафедрой русской литературы в пединституте Даугавпилса. Трофимов написал мне рецензию, из которой особенно запомнились строки: "роман я не читал, но он производит очень плохое впечатление, напоминает традиции застойных времен, особенно в начале. Начинать роман с описания утра - один из пережитков, от которого никак не могут избавиться писатели с неоригинальным мышлением". Что-то такое, после чего я должен был бы выбыть из числа конкурентов Лёши Трофимова как писателя.

Сейчас мой роман лежит в издательстве "Мастацкая літаратура", надеюсь, что его там изучают. Подготовил я также сборник рассказов, но ему хода ещё не давал. Вот такие наши дела. Прилагаю к письму фотографии, не очень хорошие, но на них всё же можно кое-кого узнать.

Желаю вам крепкого здоровья и, ещё раз, успехов. До свидания.

Володя Опекунов

3 января. Поначалу я читал Опекуновский роман с натугой, временами раздражаясь даже, особенно когда встречал грамматические ошибки или стилистические ляпы. А потом ...

Уже второго числа вечером я зачитывал отдельные места вслух Сашуле и Иринке, а сегодня прочёл целых две главы Мите с Леной. И вечером позвонил Опекунову в Минск, поговорил и с ним, и с Раей. Порадовал их своими впечатлениями о Володином романе. Это что-то!

4 января. Утром бегал под дождём. Забыл упомянуть, что накануне обсуждали, что с деньгами делать, которые я Ирине привёз на хранение, в долг то есть. Я-то думал - они машину хотят купить, не очень-то это одобряя (без гаража, бензин дорогой, разорит она их), а они, оказывается, на компьютер нацелились. И правильно, пожалуй. Иван считает, что компьютер нужнее всего Ирине с её клиентурой ("Деньги надо в Ирину вкладывать!"), потом Михаилу, а потом уж ему.

После обеда проводили Митю с Леной в Москву-Владимир. Я ужаснулся тяжести их чемоданов хоть и с колёсиками. Там мёд, оказывается, водка тамбовская, книги, альбомы. И со всем этим добром туда-сюда мотаться! На третью полку закидывать! Я бы со своей спиной не управился. Герои.

Письмо Мити от 9 января 2000 г.

Привет!

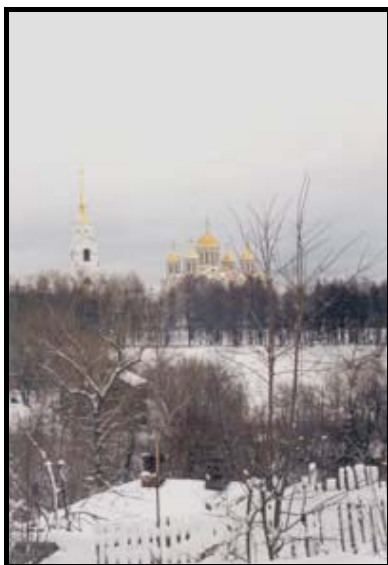
Вот отчёт о последних днях нашей поездки по России.

Итак, в четыре часа в среду мы прибыли на Белорусский вокзал, где и оставили до пятницы свои чемоданы. Поездка прошла без приключений, только вот Лёну всё насморк мучил (и до сих пор она до конца не поправилась). В Москве сразу перебрались на Курский вокзал, там одними из последних взяли билеты на шестичасовую электричку до Владимира. Теперь эта электричка идёт без остановок за два с половиной часа и имеет вагоны трёх классов, нам достались места только в третьем, мало отличающемся от простого вагона электрички. Билеты стоят относительно недорого, от 32 до 40 рублей.

В 9 часов мы были уже у бабули. Было очень радостно видеть её в добром здравии и приподнятом настроении. Она накормила нас печёнкой с вермишелью и квашеной капустой; сидели

почти до полуночи. На перине мы проспали почти до одиннадцати. Бабуля накормила нас блинами, и мы пошли гулять по Владимиру.

Было пасмурно и весьма тепло, около нуля. Недавно выпало много снега, который ещё не успел испачкаться. От Золотых ворот мы дошли до Успенского собора, заглянули вовнутрь. А потом весьма долго гуляли по музею в Палатах, где кроме картинной галереи сейчас идут выставки стеклянной посуды, игрушек, а один зал показывает интерьеры дворянских усадеб Владимирской губернии.

Владимир, январь 1999 г.

В музее мы гуляли до пяти часов, и домой вернулись лишь в полшестого, изрядно поволновав бабулю, ждавшую нас к четырём. Вечером ужинали вместе с Анной Ильиничной и Иваном Ефимовичем, приготовили салат из крабовых палочек. У них также всё вроде бы без изменений, всё те же разговоры о растущих ценах. Оказывается, и бабуля, и Анна Ильинична голосовали за "Единство", что, наверное, не удивительно.

А уже на следующее утро начался наш путь домой. Семичасовой электричкой (в первом классе, отличающимся наличием столиков между креслами и показом видео) вернулись в Москву, заехали в общежитие к Михеичу (я отдал ему деньги, занятые у Галины Фёдоровны), а потом на близлежащий рынок за чёрной икрой, заказанной Лене. Оттуда через Белорусский вокзал добрались до Шереметьево, где без эксцессов погрузились в самолёт.

В полшестого прилетели в Цюрих, очень удачно успели на прямой поезд до Констанца, и уже в восемь были дома. В аэропорту Цюриха я успел купить различных швейцарских сыров, их мы и поедали за ужином с красным вином. После всех стрессов поездки удовольствие необычайное!

Следующее утро (вчера, в субботу) встретило нас солнцем. На улице было тепло, градусов пять-семь, а воздух был просто замечателен. До обеда мы гуляли в центре, делали закупки, а перед закатом прошли ещё до университета. Констанц тоже был задет ураганом конца декабря, от которого очень пострадал лес между общежитием и университетом (это, впрочем, единственный заметный его след). Вечером у нас в гостях был Андрей Гарбуза. Он на Новый Год ездил в Париж, и мы обменивались впечатлениями о поездках.

Сегодня же с утра идёт дождь. Лена завтра едет в Ветцлар, а мне пора снова браться за работу. В лаборатории в эти две недели тоже было тихо, никто по-настоящему не работал.

Вот так завершилась наша поездка. Вряд ли можно назвать нас после неё отдохнувшими; слишком уж много стрессов сопряжено с перемещением по России. Тем не менее было очень радостно встретиться со всеми, и это, пожалуй, компенсирует напряжение, накладываемое поездкой.

Целую вас.
Митя, Лена.

Моё письмо Мите от 12 января 2000 г.

Здравствуй, дорогой сынуля!

Я уже третий день дома, второй - на работе. 10-го благополучно долетел без задержек, и хотя дома не работал лифт и не было горячей воды, я, как и вы с Леной, почувствовал облегчение: в гостях хорошо, но дома лучше. Устал я в Калининграде, особенно от пьянок. Хоть и не дурак я выпить, но каждый день тяжело. А пить пришлось и 6-го в кирхе после семинара с нашим выступлением по поводу

60-летия Суроткина (не выступлением по поводу, а пить по поводу), и на следующий день у Карповых на Пугачёва по случаю Рождества Христова и Зинаиды Ивановны, и 8-го по случаю приёма мамой Галины Якимовой и Надежды Тепеничиной, и 9-го в гостях у Шагимуратовых, никакого здоровья не хватит. Давление, конечно, поднялось, пришлось опять таблетки глотать.

Погода в Калининграде после вашего отъезда так и оставалась слякотной, остатки снега сошли, но я всё же съездил в Ладушкин 8-го посмотреть на залив у Берегового. Лёд есть, но паршивый, и народу на нём не видать, лишь один катер куда-то пёр ледоколом по трещине. Я зафиксировал состояние залива на фотоплёнку и возвратился восвосяи водку пить.

Калининградский залив в Береговом, 8 января 2000 г.

Оставил Ирине с Иваном 1000 марок и 1000 долларов "на хранение", в кредит как бы, на компьютер. С возвратом, когда смогут вернуть.

В Мурманске температура воздуха от нуля до минус пяти. Сегодня утром выкатил "савраску" нашу и приехал на ней на работу, сдав по дороге кучу пустых пивных бутылок. Скомпоновал отчёт РФФИ, упаковал, а потом по оставленному себе экземпляру обнаружил, что в одной форме не расписался на всех экземплярах. Пришлось вскрывать пакет.

Завтра приезжает мама, а там и солнышко должно показаться на нашей горе.

Мне же надо последние статьи очередного "Вестника" читать.

Целую. Привет Лене. По телефону общаетесь?

Папа.

Письмо Мити от 16 января 2000 г.

Привет!

Как добралась мама, как переносится полярная зима (идущая, наверное к концу)?

У меня неделя без экспериментов; провожу время за очередным анализом статей, от которого пока больше каши в голове. В начале недели радостная новость: нашу статью приняли-таки (уже без дополнительных замечаний; Ральф говорит, что наверное её послали тем же рецензентам, и они согласились с нашими доводами). А вот что и как теперь делать - большой вопрос.

Ещё на неделе занимался продлением разрешения на проживание - продлили до 31 декабря.

С Леной перезваниваемся каждый вечер; она весьма загружена работой в магазине, а на выходные озадачена опекой находящейся сейчас в Констанце доцентки из Тамбовского Университета.

У нас здесь сухо и относительно прохладно - около нуля. Уже очень хочется сесть в седло. Я даже уже выезжал в субботу - катался в Кройцлингене, но удовольствия немного - слишком холодно.

Вот такие у нас новости. Привет от Лены.

Целую. Митя.

Моё письмо Мите от 17 января 2000 г.

Здравствуй, дорогой сынуля!

Ну, ты меня развеселил предположением насчёт нашей полярной зимы: "идущая, наверное, к концу"(!). К разгару она пока идёт, а не к концу. Ещё морозов настоящих не было, а обещают. Другое дело - полярная ночь на убыль идёт, что, конечно, утешает.

Вчера мы с мамой катались на пластиках с 13.30 до 15.15, дошли до кормушек и обратно, скольжение хорошее, но темновато, тем более пасмурно было.

Мама доехала нормально, в Питере её встречали Вова и Люба с Андрюшкой. Андрюшка отвёз всех на машине на свою квартиру, но сам скопытился по причине то ли отравления, то ли инфекцию

какую схватил, а Любе надо было к врачу, так что мама с Вовой отправились к нему на работу, где и пообщались спокойно ко взаимному удовольствию.

А я в день маминого приезда развлекался со своей машиной. С утра отправился на рынок (что на Володарского), затарился продуктами. Оттуда - в ПГИ, у нас с Терещенко была договорённость встретиться в 12. Подъезжаю к крыльцу ПГИ - встать негде. Решил развернуться. Проехал чуть вперёд и затем задом стал двигаться к крыльцу. Бам-с! - сел задом на бетонную чушку у крыльца. Крепко сел. Сдёрнуться не могу. Водитель ПГИшный подошёл, говорит:

- Давай, я тебе зад приподниму, а ты двигай вперёд.

Приподнял он зад кобыле, я газую, а она ни с места.

- Да ты на скорость-то её поставил?

На скорость-то я поставил, а с ручника не снял. На ручник я поставил правильно, по инерции уже, вылезая из машины в аварийной ситуации. А теперь газую с ним.

Отпустил ручной тормоз, слез с чушки. Решил вперёд скатиться, а там развернуться у деревянных домов. И зарылся в снег. А под снегом лёд. Буксую, ни назад, ни вперёд продвинуться не могу. Достал лопату, начал подкапываться под колёса. Покопаю, погазую. Покопаю, погазую. Причём не столько копаю, сколько лёд грызу. 45 минут так упражнялся и повредил связки в локтевом суставе правой руки. Тут на моё счастье Роман вышел.

- Ну, Вы, Александр Андреевич, рискованный человек. Только права получили, а уже зимой ездите!

- Тренироваться-то надо!

Толкнул меня Роман сзади, и я проехал вперёд, развернулся, выбрался к ПГИ и встал у тротуара в конце вереницы машин. Пошёл к Терещенко. Секретарша говорит:

- Что же Вы, Александр Андреевич, опаздываете? Евгений Дмитриевич про Вас несколько раз спрашивал, а теперь у него совещание.

- А Вы не видели, как я тут под окнами на своей машине кувыркался?

- Нет, не видели.

Тут Терещенко вышел из своего кабинета. Я извинился, объяснился. Терещенко был в благодушном настроении, пригласил в кабинет, попросил Иванова подождать, пока он со мной закончит, и мы с ним час прокалякали, подводя итоги прошлогоднего сотрудничества. Я ему все мамины проблемы изложил, свои пожелания, замечания, всё в мягкой форме, и он на всё реагировал как бы с пониманием, так что мы оба остались довольны друг другом. Терещенко при мне подписал моё и Олега Мартыненко заявления о совместительстве в ПГИ, и я отправился на кафедру.

В шесть вечера я поехал домой. По дороге на заправку заехал, "Статойл", в которую улица Книповича упирается. Залил полный бак. Заезжаю на Северный проезд со стороны кинотеатра "Мурманск", и напротив твоей школы, уже проехав её и разъехавшись со встречной машиной, я умудрился залететь в сугроб на левой стороне. Меня развернуло и выбросило туда. Задние колёса остались на дороге, а передними и брюхом я зарылся в снег. Опять достаю лопату. А рука-то болит! А что делать? Чуть ли не на коленях начинаю из-под машины снег выковыривать, она ведь на нём лежит, упрессовав его.

Минут десять ковырялся. Подходят двое парней.

- Сколько дашь, если толкнём?

- Полтинник, - говорю.

- Садись в машину.

- Надо ещё снег подковырять, чтобы пузом не тормозила.

Поковыряли, толкнули, и я выехал. Дал им пятьдесят рублей. Довольны.

- Вот, видите, и Вам хорошо, и нам хорошо! С Новым годом!

Я собирался ехать встречать маму на машине, но после всех этих приключений расхотелось. Да и рука болела так, что передачи переключать трудно было. Отогнал машину в гараж от греха подальше. На вокзал пешком пошёл, а с мамой на троллейбусе доехали до нашей горы. Сумку же её в левой руке пришлось тащить. Поезд питерский пришёл в 21.49, а через два часа мы встретили вдвоём Старый Новый год.

А сегодня на работу я опять на машине приехал. Тренируюсь. Рука ещё болит, но не сильно.

Вот такие у нас новости. Привет Лене. Целуем.

Папа, мама.

Письмо Мити от 23 января 2000 г.

Привет!

Зима с её короткими днями и прохладной (на днях обещают похолодание до -10 градусов) погодой порядком мне надоела и ввергла в несколько меланхоличное настроение. Это немного сказывается и на работе, которую делаю без особого энтузиазма, но тем не менее какое-то продвижение там всё же есть. Очень соскучился по Лене, жду её приезда в четверг.

На неделе пытался записать нас на экскурсию в Цюрих в следующую субботу, но из-за большого наплыва народа записывали сперва только присутствующих, и нам места пока не хватило (есть ещё небольшие шансы, если выделят дополнительный автобус). Если с Цюрихом не выйдет, возможно съездим в Базель.

Вчера ходил в медиотеку, брал "Сладкую жизнь" Феллини, произведший очень хорошее впечатление. Кроме этого смотрел ещё раз "Криминальное чтиво" по телевизору. Достаточно увлечённо читаю сейчас историю Бодензейского региона XIV-XVI веков. Наконец-то достиг того уровня понимания языка, когда чтение таких книг не превращается в мучительное ползание по словарю.

Вот такие здесь новости. Привет от Лены.

Целую. Митя.

Моё письмо Мите от 24 января 2000 г.

Здравствуй, дорогой сынуля!

Забыл в прошлый раз поздравить тебя с принятием вашей статьи к публикации, поздравляем! А куда вы с Ральфом теперь продвигаетесь? Определились с направлением дальнейших потуг?

У нас аналогичная радость: статью нашу с Матиасом и Романом после небольших доделок приняли к печати в "Annales Geophysicae" с большим количеством цветных рисунков. А нашу с Романом научно-популярную статью, выигравшую конкурс РФФИ, будут публиковать в журнале "Природа". У Матиаса же закончился контракт в Потсдаме, и он сейчас безработный. Возможно, в Мюнхене будет трудиться.

В субботу поздравляли Милочку с днём рождения, а в воскресенье Гену Бирюкова. Милочка на Новый год ездила в Питер. Павел там с сыном Серёжкой (помнишь его, в шахматы играли?) на стройках деньги зарабатывают. Милочка зовёт в Севастополь, может, съездим в июле.

У нас всё снегами завалило, не успеваю гараж отгрести. В субботу и воскресенье ходили с мамой на лыжах по два с половиной часа. Лыжня мягкая, и скольжение не ахти, так что умаялись мы с непривычки изрядно (да плюс у меня ещё снегокидание с утра, и рука не вполне зажила). Мама с начинавшейся простудой каталась, и процесс пошёл, но пока без температуры.

Позавчера солнышко впервые увидели.

А вчера вечером из Питера позвонил ... Сашка Шабров! Друг таллинского ещё моего детства. Сегодня в Мурманск прилетает вечером, завтра договорились встретиться.

Пока всё на этом. Леночке привет. Бирюковым она понравилась. Бабуле Тоне тоже.

Целую. Папа, мама.

Письмо Антонины Дмитриевны из Владимира от 10 января 2000 г.

Здравствуй, мои дорогие дети, Шурочка и Саша!

Большое спасибо вам за Новогодние поздравления. Встреча Нового года и Рождества Христова была приятной. Встретила милого внука с невестой. Рада, что у меня была такая приятная встреча, хотя очень короткая, как будто приснился хороший сон. Гости милые сердцу. Лена мне очень понравилась, и на вид приятна, и в разговоре, в поведении. Провели приятный вечер вместе с соседями 6 января. Отметили встречу. Анне Ильиничне было приятно с нами посидеть в такой узкой семье. Проводила я моих дорогих милых гостей до троллейбуса, так они пожелали, да и мне кажется так лучше. Митя в 8 часов (по его времени, наше - 10 часов) позвонил, что добрались благополучно. Так прошли мои первые дни 2000 года.

Получила очень хороший подарок от Алёши. Нарисовал сам новогоднюю ёлку и свои поздравления. Конечно, не забыла и Ирина поздравить, а также получила поздравление письменное и от Вовы. Уж очень приятно от всех этих поздравлений, внимания ко мне. Дай вам всем Бог здоровья крепкого, благополучия, большого счастья, больших надежд.

Я живу нормально. Здоровье по годам, как говорят врачи. День прошёл и хорошо. А дни летят так быстро! Не успеваешь встать и уже вечер, но вечер тянется сейчас очень медленно, свет зажигается очень рано. Пенсию дают регулярно и вполне хватает. В магазинах все продукты есть и в большом количестве, ну а в промтоварные не хожу.

Погода стоит очень хорошая. Больших морозов нет. Снегу выпало неплохо. Уже ходят кататься на лыжах. Вот сегодня около 0°. В квартире тепло. Батарей горячие. Да я наняла слесаря, чтобы промыл. Молодец. Вся батарея греет полностью.

С соседями живём, как всегда, дружно. Общаемся ежедневно. Конечно, на улице бываем реже. Посиделок, как в летнее время, нет.

Дорогие мои дети, пишите мне о своих делах. Я вашим весточкам всегда радуюсь. У вас хорошо, и мне приятно.

Всего вам доброго, хорошего в вашей жизни, больших удач и больших надежд на хорошее будущее. Ведь скоро выбирать новую власть. Слава Богу, расстались с разорителем страны.

До свидания, мои дорогие дети. Крепко вас целую. Будьте счастливы.
С сердечным приветом, ваша мама.

Письмо Володи Опекунова из Минска от 4 января 2000 г.

4.01.2000

г. Минск.

Здравствуйтесь, дорогие Александр Андреевич и Александра Николаевна!

Ваш вчерашний звонок явился для меня лучшим подарком к Новому году. Очень приятно было услышать слова, хоть немного обнадеживающие меня в писательском деле. Как я говорил, руки мои опускаются и не хотят что-либо писать, хотя в голове планов "громадьё" (по В.В. Маяковскому). В связи с этим и хочу Вам написать немного о времени и о себе.

Первым делом, поздравляем Вас и Вашу семью с наступившим 2000 годом, желаем крепкого здоровья и успехов в жизни. Я рад, что у Вас есть, чему радоваться. Я имею в виду успехи Мити, которым я всегда восхищался, причём с самых разных точек зрения: как учитель перед талантливым учеником, как философ перед таинством личности и как отец в ожидании успехов своих детей. Храни нас всех бог!

В наши короткие встречи я не смог бы рассказать, как я дошёл до писательства, потому что тем для разговоров хватало, но сейчас мне хочется немного об этом поведать. Начну издалека.

Предрасположенность. В детстве я очень любил сидеть среди взрослых людей и слушать их рассказы. Обычно это бывало в нашем доме в Переславском по вечерам. Телевизоров не было, и жители посёлка ходили друг к другу в гости, клевали семечки. Иногда выпивали. Моя мать знает множество всяких историй. Благодаря ей я, например, представляю, что в структуре русского устного народного творчества, представляемого сегодня студентам филфаков, нет сказок на божественные темы, темы колдунов и порнографии. Но эти темы есть в любом фольклоре.

Мать не умела, разумеется, и сейчас в свои 89 лет не умеет ни читать, ни писать, мне приходилось с первого класса выполнять обязанности секретаря при ней. Старшие дети учились в училищах, старшая сестра - в пединституте, дома я оставался только с младшей сестрой. Переписка же шла оживлённая. С теми же старшими детьми и с многочисленными дядьками и тётками. Я уже 15 лет живу в Минске, но до сих пор пишу письма материным сестрам и брату. Мать внимательно слушала проект моего письма, потом заставляла кое-что убрать (чтобы не обиделись) и дополнить. Я не помню, страдал ли я от этой обязанности, но исполнял её добросовестно, чем заслуживал похвалу своих родственников.

Сказками я увлекался недолго. Во втором классе старшая сестра принесла мне шесть томов академического собрания "Русские народные сказки" с комментариями, примечаниями и описанием различных вариантов концовок, что меня возмущало, так как невозможно было понять, чем же сказка кончается на самом деле. Но это же привело меня к фундаментальному утверждению, что "неважно, чем она кончается", каждый автор имеет право на свою концовку, а, стало быть, и полёт своей фантазии. В этом смысле фантазия важнее того, что могло бы быть или что было на самом деле.

Читать я научился рано и с первого класса брал в библиотеке обычно три книги - одну художественную и две научно-популярные. В идеологическом плане мы тогда переживали романтический период, говорили не о массовых репрессиях и нехватке продовольствия на фоне всеобщей нищеты, а о прекрасных перспективах в связи с избранным нашим народом историческом пути и техническим прогрессом, случившимся к этому же времени. В книжке Г. Панфилова "Искусственное солнце" я прочитал, что к 1980 году наша страна овладеет термоядерным синтезом, а энергия польётся чистым прозрачным ручьём и напоит всех желающих. Я загорелся желанием принять участие в овладении этим источником и после восьми классов поступил в техникум на специальность "экспериментальная физика, дозиметрия" в Северодвинске, куда вышла замуж моя старшая сестра. Ей нужна была нянька её детям. Сестра на 9 лет старше меня и была мне нянькой, она же и научила меня читать. Теперь мне предстояло отдать ей долги. Но жить у неё было тесно, и я перебрался, к всеобщему удовольствию, в общежитие, проводя у неё выходные дни и часть вечеров.

В романе немного описан её муж Сева, который произвёл на меня неизгладимое впечатление. Это был выпускник кораблестроительного института, энергетик и автоматчик, наследственный русский интеллигент в пятом-десятом поколении, потомственный инженер, горячо любящий свою родную Тверь, футбол и художественную литературу в виде О.Генри, Марка Твена, Чехова, Ильфа и Петрова. Веселый и остроумный, он впадал в приступы злобы против москвичей (за то, что они сожгли Тверь в 12... и ещё каких-то годах и за то, что они паразитируют на теле России) и против коммунизма (который принёс неисчислимые бедствия человечеству и дал некоторые блага паразитам, чем те очень довольны). Как и многие северяне, он неумеренно пил. Когда я писал главу о нём, позвонил мой брат из Калининграда и сообщил, что Сева сгорел в своём доме вместе с матерью, почти столетней женщиной. Сестра к этому времени бросила их и жила с другим мужем в Зеленоградске. Сева к этому времени уже был на пенсии, куда его выперли из НИИ Тяжмаша в Твери, наградив медалью имени Чаломея, за освоение космического пространства. Его сын, мой племянник сейчас живёт в Сизтле, дочь - в Москве. Так вот,

этот Сева учил меня художественной литературе, сидя на стиральной машине и читая вслух Гашека. Он считал, что это высший тип литературы. Как жизнь. Трагикомедия. Тогда же появились рассказы Шукшина. Сева выписывал несколько литературных журналов, которые почти все прочитывал, я же читал больше "Молодую гвардию", "Науку и жизнь", "Технику-молодежи", "Знание-сила".

В техникуме я учился отлично, это было не трудно, но одновременно я и разложился. Третий и четвёртый курсы валял дурака вместо того, чтобы готовиться к поступлению в институт. Не поступив в МИФИ по техникумовской специальности, я приехал домой и поступил на физику в КГУ. Первые два года мне ещё хватало уровня, который у меня был за счёт техникума, я учился так же отлично, но на третьем курсе задумал жениться, что меня выбило из нормального учебного процесса. Я стал тупеть, отстаивать, а чтобы компенсировать возникающие при этом чувства неуверенности в себе, стал читать философию. На студенческих научных конференциях выступал с докладами не по физике, а по философии. Начал дружить с Виктором Фёдоровичем Овчинниковым, от которого многому набрался. Он же стал и руководителем моей дипломной работы. Он и раньше правил мои доклады и заметки в газеты. Во время службы в армии я получил отпуск за ударный труд по оформлению учебного класса, начертил 20 листов формата А1 со всякими укрытиями и убежищами, приехал домой и совершенно случайно оказался в областной библиотеке. Здесь я встретился с Виктором Фёдоровичем, который и предложил мне поступать в философскую аспирантуру. Это предложение оказалось кстати, когда я после годичной службы в армии вдруг обнаружил, что я опять холостой и могу заниматься, чем хочу. В аспирантуре моим шефом оказался человек, обременённый большим количеством проблем, кроме того выяснилось, что тогда это была система брать аспиранта, который даёт 200 часов нагрузки. Достаточно было иметь троих аспирантов и ничего не делать, аспиранты за тебя и лекции прочитают. Я несколько раз менял тему, а потом ушёл в моря в заочную школу моряков. В романе немного есть об этом времени. Но даже в аспирантуре, где мне положено было писать, я сделал всего два реферата. Несколько рассказов у меня было написано ещё в студенчестве.

В ИЗМИРАНЕ я не мог себя проявить, так как физиком уже не был, а философом не стал, надо было искать работу, чтобы прожить. Ребята устроили меня начальником конструкторского бюро в ОПТО "Техрыбпром", где я рисовал шкафы электрооборудования вплоть до отъезда в Минск. Это был мой звёздный час, здесь я был уважаемым человеком и имел зарплату, на которую можно было, хоть и очень скромно, жить, имея семью и машину. В Минске всё началось сначала. Меня никто не мог достойно представить, и я для всех был человеком с улицы. Это трудно представить будучи ионосферщиком, которые все друг друга знают. Вы висите над всем Советским Союзом, а кое-кто и над всем миром, и видите друг друга.

Опять же ребята по КГУ устроили меня на завод "Калибр" в отдел стандартизации, абсолютно тупиковая должность. Отчёты и внедрение стандартов. Это классический бюрократический труд, конечно, со всеми оговорками о его необходимости. Несколько лет! Однажды в обеденный перерыв я вышел за проходную завода, и увидел, как по улицам идут люди, они были свободны. Я глубоко вдохнул воздух и опять пошёл за колючую проволоку, которой было огорожено наше предприятие. Я сидел за своим столом в комнате с 18 женщинами, а мысль уносилась в Восточный Казахстан, в Антарктиду, в Баренцево море, где я страдал от штормов. Перу, Куба, Ангола и улица Фабрициуса в Минске. Я находился уже в таком возрасте, когда не возникают привязанности, друзей у меня не было и потому, что при встречах надо пить, я пить не умею, страдаю с похмелья, кроме того, жаль денег на пьянку, когда не хватает на жизнь. Фантазия пробивалась, я начал вести короткие записи своих воспоминаний и рассказов женщин, которые меня окружали. Например, рассказ о мужике, который на похоронах своего сына, тело которого доставили из Афганистана, заколол вилами милиционера, который пришёл на поминки и решил наказать мужика за самогеноварение, рассказ о председателе горисполкома Минска, который перед смертью велел своей жене кремировать своё тело, а пепел развеять, чтобы не поить своих коллег, готовых пить на халяву. Если бедная женщина не выполнит это требование, он будет являться к ней каждую ночь. Рассказ о японском мотоцикле-убийце. Переходя из рук в руки, он губил своих владельцев, но очередная жертва не могла устоять перед искушением очень дешево, почти задаром, иметь такую роскошную машину. Этот рассказ - инверсия русской поговорки: "Что русскому хорошо, то немцу - яд". Женщины болтливы, поэтому я радовался этой ситуации. Это напоминало пивную, в которую ходил Гашек, чтобы собирать рассказы о своём Швейке.

В это время я продолжал читать журналы по философии. Было несколько тем, которые мне оказались близки. Детерминизмы, истина и проблема человека в философии. Были призмы, через которые я смотрел на мир. Разумеется, всё это присутствует в романе в том или ином виде. Это роман не для психоаналитика, а для читателя, который видит проблему человека так, как её поставил Шри Ауробиндо ещё до Второй мировой войны. На смену "человеку разумному" идёт человек совершенный, "суперчеловек", который будет создан по подобию "разумного", по без его изъянов. Это в русле идей биороботов, глобального разума, постчеловеческой цивилизации. Новый человек будет относиться к "гомо сапиенс", как "гомо сапиенс" к неандертальцу с отличием в том, что он не будет его уничтожать, а будет охранять, как исчезающий вид, помещённый в благоприятные условия и лишённый внутренней и внешней агрессии. С этой точки зрения, все проблемы, которые волновали человечество есть результат содержания записи информации в его наследственном аппарате. Как бы мы ни пытались вырваться из

рамков, заданных этой информацией, она неумолимо ведёт нас к нашим проблемам: конфликту оценок состояния: "Я считаю с мнением высшего света, хотя оно лицемерно" - проблема Толстого, "Я сдерживаю основные инстинкты, но не могу их сдерживать и впадаю в невроз" - проблема Фрейда, "Я разрушу инстинкт собственности и сделаю людей счастливыми" - проблема Маркса. И так, за какую бы мы проблему ни взялись, она не решается в рамках существования "гомо сапиенс". И проблемы, порождённые его природой, будут нагромождаться. Опасным становится каждый человек, способный взорвать атомную электростанцию или запустить ракету с ядерной начинкой. Пережив тупой тоталитаризм, сдерживающий самые благородные способности человека, мы неизбежно придём к тоталитаризму, проводящему сплошной контроль над всеми действиями людей. Рамки свободы сужаются, возрастает ответственность за преступления и ошибки.

Такие идеи присутствовали в моей голове, пока я писал своё сочинение.

Началась перестройка. На заводе затеяли выборы главного метролога. Когда я посмотрел свои документы, оказалось, что я - наиболее подходящий кандидат в руководители 80 человек отдела главного метролога. В дипломе техника записано "дозиметрические и радиометрические измерения", образование - высшее, опыт работы - есть, опыт руководителя - тоже есть, кроме того, у меня нет врагов и ошибок, которые поставили бы под сомнение мою кандидатуру. Реальный кандидат, против которого в это время конкуренты завели уголовное дело о расхищении средств измерений, решил меня убрать и рекомендовал на железную дорогу руководителем группы метрологического обеспечения в Центр метрологии и стандартизации. Я с уважением относился к кандидату, поблагодарил его и даже поставил две бутылки шампанского. На ж.д. я продолжал писать отчёты и новые положения, а также всякие методики по проведению испытаний, аттестаций и т.п. Писанины прибавилось. Иногда я засыпал за пишущей машинкой. Писать я научился в аспирантуре, закончил курсы машинописи в Доме офицеров. Полёт мысли продолжался.

Как-то в нашу контору пришли путёвки на туристический лайнер, отправляющийся к острову Шпицберген. Я чуть с ума не сошёл. Через пару дней побежал в профком, сказали, что кончились. Я готов был нарваться на скандал дома и не ехать с детьми на юг. Тогда мы почти каждый год ездили на Чёрное море, в Алушту, Новый Афон. После долгого перерыва жена только прошлым летом съездила с детьми в Феодосию. В Калининград же ездим каждый год. А тогда я готов был ехать в Мурманск, чтобы сесть на этот лайнер. Несчастливы моряки. Их всегда зовёт море. А также несчастливы все те, кто менял свою профессию. Программируешься на определённый вид деятельности, а потом все эти программы в тебе играют, да ещё на разных нотах. Работать на железной дороге становилось всё тяжелее, а тут пошли кооперативы. К кооперативам я относился очень серьёзно. В них видел зачатки цивилизованного капитализма. Я участвовал в нескольких съездах белорусских кооператоров в качестве помощника будущего президента союза кооператоров, а потом перешёл в его организацию в качестве ведущего инженера редакционно-издательского отдела. Мы издавали журнал, брошюры и листовки. Здесь я впервые увидел, как делается книга: от начала до конца. Оказалось, что мне по силам и правка, редактирование. Моим начальником стал выпускник литфака БГУ Сергей Каленик. У него к этому времени уже были публикации его стихов в сборниках "День поэзии" и статья в журнале по образованию. Я показал ему свои рассказы и посоветовался, не начать ли писать роман. Для него в этом проблемы не было. "Конечно, писать, не вижу причин, почему бы не писать, если хочется". Я начал носить ему главами.

В кооператив я перешёл с 260 рублей на 600, кроме того была ещё и халтура, многим надо сделать визитные карточки, какие-нибудь бланки и т.п. Но года через два малина стала заканчиваться, пошли трудности, надо было менять направление, на мне, кроме всего, висела ещё машина-каблучок, которую вдруг все начали зверски эксплуатировать, в основном для поездок на дачу. Началось разворовывание кооператива, появились новые люди, которые действовали очень нагло. Как жаловался мне наш сотрудник - бывший замполит минского суворовского училища и полковник в отставке: "Сволочи, занимаются любовью с переводчицей прямо на столе. Стол сломали!". Другой наш сотрудник, тоже полковник, "стреляющий замполит из Афгана" говорил мне, что он ненавидит всех этих новых капиталистов и всех бы их расстрелял. Последний месяц я не занимался полиграфией, а только всех куда-то возил, после чего позвонил своему бывшему начальнику - Главному метрологу дороги и пожаловался на жизнь. Он взял меня обратно в только что построенный вагон-лабораторию метрологии дежурным электромехаником с исполнением обязанностей проводника, когда вагон нужно перегнать на другую станцию.

Как-то главный метролог увидел, как я пишу на своей старенькой механической машинке и приказал выдать мне со склада старую электрифицированную машину "Даро-202", на которой я пишу уже пять лет. На ней же и оформлял свой роман. Как только я погряз в писанине, я понял, что не смогу уйти отсюда, пока не напишу что-нибудь большое. Я дежурю по 10 дней, потом 20 дней отгулы. Зарплата такая же как и у учителя при большой нагрузке. Дома - дача и двое детей, которых хочется чему-нибудь научить: математике, физике и русскому языку. Пока пишешь большую вещь, выползают всякие рассказы, которые туда не вставишь, а просто забыть жалко. Так я написал сборник рассказов и киносценарий. Несколько рассказов прошли в одной газете, в которой я подрабатывал, а самый первый рассказ вдруг понравился редактору только что организованного журнала "Немига литературная". Он

изменил его название: "Наследство", вместо "Американский дядюшка". Прежнее название притягивало мой рассказ к мировой литературе по названию одноименного французского фильма. Редактор это понял, но сказал, что это никого не взволнует, так как никто этой связи не увидит.

Четыре экземпляра романа я оформил для чтения и дальнейшей литературной обработки и понёс по редакциям. Первым делом по знакомым мне типографиям. Никого не волнует качество сочинений. Оно может быть выявлено только спустя годы. Издателя не волнует и дальнейшая судьба. Давай 5000 долларов и получай свой тираж. От 1000 экземпляров до 5000 в зависимости от качества работы и бумаги. За иллюстрации надо платить отдельно. Государственное издательство "Мастацкая литература" взялось рассмотреть сочинение на предмет публикации. Надежды - никакой. За год они готовят к изданию двадцать книг, но публикуют две - по госзаказу для средней школы: Пушкина или Тургенева. "Рассмотрение" же проводят для плана и отчёта. Через два года я получил от них рецензию, в которой автор на белорусском языке описывает свои переживания и надежды при взятии в руки моего романа и глубокие разочарования, которые он испытал при попытке начать его чтение.

Я начал ходить по выставкам. В Минске около 200 издательств, на крупной выставке собирается до 100. Я говорил с издателями. На свой страх и риск никто не возьмётся. Я нашёл через книжную палату наиболее процветающие издательства, говорил с их руководителями. Издательство (частное) "Литература" специализируется на издании ворованных книг, подготовленных в России. У нас их только печатают, а потом вывозят. Они предложили мне обработать сюжет детектива в стиле Чейза, юмор, немного порно, я тогда отказался, а потом пожалел, они куда-то исчезли. Есть издательства, состоящие из одного человека, который сам пишет книгу, оформляет её и издаёт, имеет лицензию. Обычно - это узкоспециализированные издательства. Зацепиться нигде не удаётся. Искать можно только надеясь на спонсора. А спонсор деньги просто так не выложит. Я иногда читаю немного современные книги: Фридрих Незнанский, Эдуард Тополь - это псевдонимы, за которыми скрываются группы людей, не надо каждый раз "раскручивать" автора на рекламе. Может быть, я чего-то не понимаю, но мне кажется, всё это - чепуха. С возрастом восприятие меняется, Зощенко уже не нравится, а вот Салтыков-Щедрин вдруг пошёл. Очень толковый человек. Гораздо умнее Толстого.

Если бы мой роман прошёл, я вдохновился бы на продолжения. Когда я писал, в голове откладывались эпизоды других романов: "Старики идут на кухню" - об армии, "Морской скиталец" - о морях, "Дом без хозяина" о событиях в большой семье после смерти моего отца. "Молящийся в храме науки" - о моей аспирантуре и работе в университете. Роман "Старики идут на кухню" уже лежит в записках в папке у меня в вагоне, но руки опускаются.

В романе "Мой суровый друг" есть персонаж - Виктор Фёдорович. Я позвонил ему и предложил почитать о себе. Его жена прочитала и пересказала Виктору Фёдоровичу. С тех пор наша дружба возобновилась и окрепла. Виктор Фёдорович и сейчас не оставляет попыток сделать из меня философа. 5 декабря ему исполнилось 75 лет, я выслал ему поздравление на 6 страницах. Каждое лето я бываю у него, и мы живо обсуждаем жизнь.

В качестве иллюстрации к этому письму я высылаю вам копии моих писем Виктору Фёдоровичу, Лебле и нашим друзьям в Израиль. Из этих писем можно кое-что узнать о нашей жизни. Мне кажется, эти письма будут интересны Александре Николаевне, как женщине. Я по своей матери знаю, что женщины более любознательны по своей натуре, особенно когда это касается разных и разнообразных сторон нашей жизни. Я веду переписку по всем правилам. Оставляю себе исходящий экземпляр. Вдруг когда-нибудь придётся издавать письма? Если даже не издам, то пусть мой архив останется детям, если не им, то кому-то из потомков это будет интересно. Я храню от своего отца несколько писем и случайно обнаруженную записку, проект его выступления на колхозном собрании; проект начинается словами "Я не враг народа, я хочу, чтобы в коровнике был порядок". Об университете у меня есть несколько рассказов, которые могут составить сборничек, а фрагменты одного рассказа вошли в качестве предисловия к книге воспоминаний князя А.Н. Хованского. Вместе с предисловием профессора Лавриновича.

Ваш звонок встряхнул меня и наполнил некоторыми надеждами. О публикациях в Интернете я знаю по статьям в журналах "Наука и жизнь" и т.п. Могу предположить, что иногда размещение текста романа в Интернете может быть сделано бесплатно, тогда, действительно, есть смысл перевести текст на электронные носители. В одной типографии мне говорили, что для них это не проблема. Десять машинисток введут его в компьютер за пару дней, лишь бы была договорённость об издании. Редакторы тоже имеются, только плати, хотя даже просто прочитать нужно 8 часов чистого времени, за три дня не прочитать, так как нужно ещё чем-то заниматься. Александр Андреевич, если Вам удастся прочитать всё до конца, я буду чрезвычайно благодарен и, соблюдая обет, поставлю первым читателям по бутылке крепкого напитка. Жена Виктора Фёдоровича отозвалась о моём сочинении положительно, хвалила. Ей было интересно. А вот сестра прототипа персонажа Гены, на которую я надеялся, отозвалась неодобрительно, зато её муж Палыч был очень доволен, цитировал мне место, где Гена бежит на лыжах и у него сверкают голые лодыжки. Он говорит, что всё очень правдоподобно. Со вдовой главного героя я после написания романа переписывался, она сообщила мне о судьбе его сына Лёшки. На этом я заканчиваю своё письмо с надеждой, что Ваш звонок был не случайным и он что-то означает, а именно, перевернут в моей судьбе. Если же этого не будет, это тоже не страшно. Я буду рад получить от Вас ответ

и вопросы, которые вас интересуют. Отвечу незамедлительно. Буду рад советам и предложениям, надеюсь на них. До свидания.

О судьбе моего первого редактора напишу в другой раз. Если интересно, то опишу и жизнь сына героя - Лёшки.

Володя.

Копия письма Опекунова семейству Лебле

Суббота 15.12.99, г. Молодечно

Здравствуйтесь, дорогие Сергей Борисович, Аня, Вова и Марина!

Поздравляем вас с Новым 2000 годом, желаем крепкого здоровья и успехов.

На выходные дни я остался один в своём вагоне-лаборатории в Молодечно. Вчера, в пятницу, на радостях, что никого нет, много писал, перевозбудился и лёг спать в 2 часа. В таких случаях у меня бывает буйство фантазии в ночных сновидениях. Сейчас в моде фраза: "Сон разума рождает чудовищ". Надо бы найти, кто это сказал и по какому поводу. (Кажется, Бердяев.) Но у меня не было чудовищ, а были картины яркие, вдохновляющие. Вкратце - следующее.

Я поднимаюсь по асфальтированной дорожке, заросшей с боков густой растительностью в виде кустов, что-то вроде спуска к морю в Светлогорске или подъёма к домику Сергеева-Ценского в Алуште. В темноте меня встречает радостный и довольный Сергей Борисович. Широким жестом показывает на тёмные корпуса зданий с куполами, как у православных церквей. Корпуса выкрашены тёмной краской. Я понимаю, что это сделано для того, чтобы уменьшить отражение света, который может помешать наблюдениям. Это астрофизическая обсерватория. Один из куполов наклонён, сильнее, чем пизанская башня, впечатление такое, что может сорваться, но я-то знаю, что это тоже сделано для удобства наблюдений. Мы остаёмся на дорожке. - Сейчас начнётся, - говорит Сергей Борисович, и в этот момент яркое зарево разливается по всему небу. Вздвигаются языки пламени. Возникает картина полярного сияния, но в тысячи раз более яркая. В игре пламени видны взмывающие вверх ракеты и очень тяжёлые другие конструкции. Как я понимаю, всё это великолепное зрелище - дело рук Сергея Борисовича и его команды. Меня охватывает гордость за причастность к большому делу и грандиозный успех, который мы идём отмечать внутри одного из зданий, заходим в небольшой пустынный тёмный бар.

(Когда я рассказываю своей жене о сновидениях с выпивкой, она глубоко возмущается, как психиатр, и говорит, что в таких снах проявляется вся моя сущность. И даже мои отговорки, что я выпиваю в месяц не более 50 грамм в пересчёте на чистый алкоголь и уже почти год как не курю, её не убеждают, что это всего лишь "сон разума, который порождает чудовищ".)

В баре. Я очень рад нашей встрече. В глазах Сергея Борисовича я вижу огонёк, который меня всегда вдохновляет. В наших руках появляется вино в больших бокалах. Один из посетителей, возмущённый тем, что его побеспокоили, выходит, другой, стоя за столиком в углу что-то бурчит, но остаётся и отворачивается. Он изрядно пьян. У меня возникает некоторое беспокойство за него. Я пытаюсь, но мне это не удаётся, вспомнить, кто это. Я говорю Сергею Борисовичу, что он похож на свояка Буздина. Сергей Борисович соглашается, что очень похож, но не он.

Вот и весь сон. Если бы я его не записал в этом письме, от него ничего бы не осталось. Я думаю, наиболее правильным будет такое толкование этого сна, что я просто скучаю по Сергею Борисовичу, мне его не хватает. Такое бывает. Одна наша сотрудница увлечена Аллой Пугачёвой. Особенно ей нравится в Алле Борисовне то, что раньше она очень часто меняла мужчин. В своём кумире мы видим, прежде всего, наши реализованные мечты. А в Москве одно время были фаны-коржаканы, почитатели генерала Коржакова. Они создавали свои клубы и писали письма Коржакову, чтобы он прислал им шинели. Мне кажется в фанах нет ничего плохого, если это в меру.

Я уже несколько лет не встречался с вами, но за это время у меня окрепла дружба с Виктором Фёдоровичем. Мой роман он так и не прочитал, но выслушал замечания по нему своей жены. Каждое лето я захожу к нему домой, записал его интервью на 30 страницах, а недавно выслал ему поздравление в связи с его 75-летием, на шести листах. Надеюсь, что если не всё, то хотя бы фрагменты из него зачитают на чествовании юбиляра.

Ещё одно интересное замечание от Виктора Фёдоровича. Он мне рассказал, что когда ему исполнилось 70 лет, он пошёл к ректору с заявлением о том, что в связи с достижением этого возраста и руководствуясь законом (положением, инструкцией) он слагает с себя обязанности заведующего кафедрой и предлагает возложить их на ... (предлагает кандидатуру). Началась долгая и изнурительная, полная драматизма борьба за заведование. В результате кафедра развалилась на две половины, и обе продолжают трещать. Уставший от разборок ректор упрекнул Виктора Фёдоровича в поспешности и сказал ему, что своей властью он мог бы преодолеть силу всех этих законов, положений и инструкций и оставить Виктора Фёдоровича заведующим. Сергей Борисович, я желаю Вам дожить до подобного конфликта и не спешить.

Иногда я думаю о Марине. В ваши семейные хроники надо включить рассказ о её нелегальном пересечении границы через несколько дней после рождения. Я считаю себя свидетелем её рождения, так

как ходил к роддому и на рынок за памперсами. Вспоминается в связи с этим анекдот. Тогда я не знал, что такое памперс.

Мужики посылают своего коллегу за водкой: "На закуску памперсы не бери, бери "Сникерсы". Мы прошлый раз брали памперсы, вата-ватой."

Виктор Фёдорович - специалист по творческим личностям. Как-то он мне говорил, что поздние дети бывают слабы здоровьем, но сильны умом. Мне кажется, ещё они очень чувствительны. Мне не хочется, чтобы оправдывался прогноз относительно здоровья, но умной она просто обязана быть по своим родителям и бабкам.

Но когда я смотрю на умного ребенка, у меня сердце кровью обливается. Умные дети несут в себе всю человеческую скорбь. Но мир не совершенен и даже ужасен. Как-то я смотрел фильм о жизни в коралловых рифах. Внешне там всё прекрасно. Но все существа поедают друг друга. И среди буйной, чистой до стерильности красоты не остаётся обьедков, так как их тоже съедают. Диктор успокаивает зрителей, что там, среди рифов, нет понятий добра и зла, там просто жизнь. Но у нас-то эти понятия есть. Поэтому я и желаю вам только добра. Любите и берегите друг друга. Я был бы счастлив получить от вас открытку. Фотографию Сергея Борисовича с Мариной в коляске из Гданьска я поместил в свой фотоальбом и иногда смотрю на неё.

Желаю вам радостно встретить Новый год.

Володя Опекунов

Копия письма Опекунова Виктору Фёдоровичу Овчинникову и его жене

г. Орша

14.11.99

Дорогие Виктор Фёдорович и Мария Бенедиктовна!

Мы благополучно добрались до Минска и теперь живём воспоминаниями о лете. И среди них - встреча с Вами. Психологически я тогда подготовил детей к этой встрече, показал, как раньше мы говорили, всемирно-историческое значение этого события. Мне кажется, это на детей подействовало, оба стараются изо всех сил, и сбоев, как это было раньше, не допускают.

Спасибо Вам за похвалу моих детей. Каждому родителю приятно, когда хвалят его чадо. Старший сын Андрей все дни напролёт сидит над учебниками физики и математики, отправил две контрольные работы в заочную школу при МФТИ, где учится Ваш внук, и уже получил хорошие отзывы, мечтает поступить на физический факультет Белгосуниверситета в Минске. А у меня сердце кровью обливается. Ребенок вполне способен учиться на физическом факультете, но пройти на бесплатное отделение очень трудно. Я думаю, что ситуация такая же как и в Высшем мореходном училище (Академии) в Калининграде. Мой старший брат как-то заходил к своему другу, декану этого училища, так тот рассказал, что на платном отделении надо платить по 500 долларов в семестр, а чтобы поступить на бесплатное, надо сразу заплатить 5000 долларов. Получается, что разницы - никакой. Брат появлялся в Академии как старый капитан и журналист, выступил там перед курсантами, читал им стихи и поэму его учителя по морским и литературным делам Игоря Строганова о трёх СРТ, не вернувшихся в порт. Впечатление о слушателях у брата было ужасное. Видимо, сказалась общая ситуация с платой за образование. Но брату показалось, что в их глазах не было романтического огонька, как это было в стародавние времена, а была одна только тупость. Переживания брата и мои собственные в связи с этим и являются издержками нового времени, проявлением свободы, которую мы получили. В Минске в Военной академии разоблачили офицера, который занимался поборами с курсантов, иначе сживал со свету.

Виктор Фёдорович, я внимательно изучил материалы, которые вы мне передали, и ознакомился с философской тематикой, которая сейчас обсуждается. И здесь тоже грусть. Философия открыта для любых специалистов, но достаточен ли мой художественный и жизненный опыт, чтобы называться философом?

Из других событий лета мы отмечаем экскурсию на научно-исследовательское судно "Академик С. Вавилов", которую нам организовал мой брат. А заодно устроил нам роскошный обед в своей каюте капитана. Я высылаю Вам фотографию, которую сделал по возвращении в Минск. Мой брат заботливо стоит за спиной моего младшего сына Саши, которого он прочит в моряки и ради которого ходил в Морскую академию. Справа от брата - сын Андрей. Далее мои племянники.

На днях я получил письмо от брата с сообщением, что он отправляется в Антарктику, до весны 2000 года. И вырезку из газеты о нём: "Кто есть кто в Калининграде".

Виктор Фёдорович, я не могу простить себе, что не был на Вашем шестидесятилетии. Я помню тот вечер потому, что сидел в полукилометре от университета в КБ Техрыбпрома и выполнял срочную работу. Дотянули до последнего стандарт предприятия по электроматериалам. И я печатал его на кальке. В теперешний юбилей тоже придётся отсидеться в Минске. Я бы и деньги нашёл на поездку, но отсутствие зубов и отсутствие надежды на то, что я успею с протезированием, не дают мне покоя. Кто-нибудь из остряков обязательно скажет, что Опекунов все зубы съел или обломал на философии. Об

остроумии Калининкова у меня есть рассказ "История одной картины", как я организовал заказ Гринишна на картину "Карамзин в гостях у Канта". Там жертвой остроумия Калининкова является художник Грачёв.

Братья Опекуновы с детьми и племянниками в каюте капитана научно-исследовательского судна, июль 1999 г.

Рая Снежкова с сыном и племянницей на рыбалке в Белоруссии, лето 1999 г.

Чтобы как-то выйти из положения, пусть и не лучшим образом, я подготовил текст моего выступления-послания по случаю 75-летнего Вашего юбилея. Прочитать его может ведущий или кто-нибудь из присутствующих. Я был бы рад, если бы за это взялся мой университетский товарищ Слежкин Василий Анатольевич. Я, на всякий случай, напишу ему об этом и вышлю также этот текст. Телефон Слежкина в К-де 21-80-55.

По случаю 30-летия окончания мною Северодвинского политехникума и в ответ на приглашение принять участие в праздничном банкете, я выслал участникам всех мероприятий текст моего обращения к ним для прочтения в актовом зале техникума. Текст имел такой успех, что его ещё два раза читали через микрофон на банкете в Северодвинском Доме офицеров, последний раз, правда, в состоянии сильного опьянения. Об этом писал мой техникумовский друг Витя Чебнев. Я не рассчитываю на такой же успех в университете, так как люди там более взыскательные, но считаю вполне возможным запустить его после выступлений ректора (проректора), деканов и заведующих параллельными кафедрами, когда в дело пойдут аспиранты и студенты, а строгость и серьёзность выступлений несколько ослабнет. Я с интересом смотрю по телевидению, как проходят юбилеи российских деятелей культуры и науки и искренне радуюсь, когда слышу остроумное и доброе выступление. Шутить будут все, но, конечно, в меру, нельзя выпадать из ряда и брать на себя слишком много внимания, поэтому если кто-то возьмёт на себя труд отредактировать моё обращение для приведения его в соответствие с ситуацией, я был бы этому человеку очень благодарен и заранее согласен на любые изменения в тексте.

Я прочитал свой текст и тут же мне захотелось его исправить. "Снаряды ложатся в цель", сравнение присутствующих с овцами, пусть иносказательное, с претензией на юмор, но годится ли? А, может быть, нравы настолько изменились, что и этого сейчас мало. Я был очень удивлён тематикой, подходами, стилем, который стал возможным в журнале "Квадрат". А в редакции этого журнала - половина кафедры философии. Упомянуть же Минск весьма желательно, это расширит географию праздника. А, может быть, моё послание прочтает Мария Венедиктовна на банкете дома, среди членов семьи и друзей. Я был бы рад и этому.

Я отправлю основной экземпляр этого письма с текстом послания обычной почтой (около 18 дней, почта идёт через Москву), а копию отправлю с проводниками поезда Москва-Калининград из Орши, где я сейчас нахожусь в своём вагоне-лаборатории и пишу Вам письмо.

Желаю Вам успешно провести юбилей. Хорошего Вам режиссёра! До свидания!

Ваш Владимир Опекунов

Виктор Фёдорович! На всякий случай я подготовил краткий вариант приветствия, которое может пройти среди других поздравлений, а своё "исследование" о Вашей деятельности просто прилагаю в качестве философского упражнения. После обработки редактором его можно было бы пустить в какую-нибудь газету. Это личные (чуть ли не свидетельства) достаточно художественные впечатления человека, который действительно увлечён личностью своего учителя.

В.О.

Краткий вариант приветствия

Профессору Виктору Фёдоровичу Овчинникову
от выпускников физико-математического факультета 1972 года,
проживающих в Минске

Уважаемый Виктор Фёдорович! Дорогие коллеги, друзья и товарищи, дамы и господа!

От имени выпускников физико-математического факультета 1972 года, физиков и математиков, проживающих ныне в столице Республики Беларусь городе Минске Опекунова Владимира, Богомолова Николая, Богомоловой Галины, Блиновой Надежды, Космачёва Александра горячо и сердечно приветствуем Вас, поздравляем с юбилеем и желаем дорогому юбиляру крепкого здоровья и больших творческих успехов.

Мы помним Вас как открытого, доброго, сердечного и отзывчивого человека, внимательного, заботливого педагога и серьёзного учёного. На наших глазах происходит становление Калининградского государственного университета как крупного научного центра на Западе России, и мы рады, что в этом процессе есть значительный вклад труда нашего любимого преподавателя философии.

Уважаемый Виктор Фёдорович, наш дорогой учитель, многими значительными событиями нашей жизни мы обязаны Вам. Среди хорошего, что есть в нас, многое заложено и развито Вами, и, прежде всего - это уважение к людям, вера в безграничные творческие возможности человека, вера в наше будущее и неиссякаемый оптимизм. Вы учили нас мудрости, и мы надеемся, что Ваши усилия не пропадают даром. Спасибо Вам за Ваш труд, за веру в нас.

Желаем Вам счастья в личной жизни и плодотворного труда на благо нашей Родины.

От имени минчан

Владимир Опекунов

Копия письма Опекунова друзьям в Израиль

30.12.99

г. Минск

Здравствуйте, дорогие Аня, Люба, Тэла, Гриша и Лев Соломонович.

Очень рады вашим письмам. Рая забрала письмо от Шачков, а Любино пришло к нам само.

Письма очень хорошие, особенно Любино. Видно, что его писала очень организованная, аккуратная и умная девушка, для которой организовать текст не представляет никакого труда. По содержанию это не просто информация, а достаточно личное и потому очень интересное сообщение. В общем, мы ему были очень рады и сразу увидели за ним личность нашей дорогой корреспондентки. В связи с этим я ещё раз подумал о том, что в вашем новом состоянии возможностей для успеха в жизни гораздо больше, чем у нас, а учитывая, что и Люба и Гриша не обижены талантами, можно надеяться на самое лучшее. Я помню теории американского общества: теория стратификации и теория социальных ролей. Согласно этим теориям существуют лифты, с помощью которых люди поднимаются к верхним стратам (слоям) общества. Эти лифты: спорт, искусство, политика, бизнес, наука. Для Гриши это будет наиболее естественный способ роста. Я помню, как в присутствии нашего соседа - тракториста Васи - мы с Гришей обсуждали устройство ядерного реактора, а потом я с Васей обсуждал различия между людьми в их способностях к науке. В любом случае, сложится карьера или нет, нам будет очень интересно знать, как идут дела у вас, а мы будем сообщать о себе.

Люба, сразу исполняю твою просьбу, сообщая рецепт пиццы. Гунтер Линде и Хайнц Кноблах. М., 1972, с.41. Неаполитанская пиза. Тесто: 200 г муки, 2 ст. ложки растительного масла, 1/2 стакана тёплого молока, 15 г дрожжей, щепотка соли. Начинка: 200 г сыра, 500 г очищенных, разрезанных на толстые ломти помидоров, 5 сарделек, чёрный или красный молотый перец, соль, 1-2 ст. ложки растительного масла. ... Выпекать в духовом шкафу в течение 20-30 мин на среднем жару. Примечание: неаполитанцы делают пизу также с грибами, яблоками, яйцами и т.д. (Здесь "пиза" - видимо, вместо "пицца". По нашей дремучести мы в 1972 году не знали, что такое пицца.)

Так вот, в дополнение к прекрасным способностям у Любы ещё и не менее превосходные внешние данные, её можно, имея в виду самые высокие критерии, назвать красавицей, что тоже должно способствовать успеху. Не будем здесь зарываться, во избежание недоразумений, связанных со всякими суевериями, и лишний раз, сплюнув три раза, скажем: не родись красивой, я родись счастливой. Так что, Люба, желаем тебе, прежде всего, успешно подготовиться и поступить в университет. Мне также хочется, чтобы ты сохранила свои прекрасные знания русского языка. Я подумал об этом, когда нашёл в твоём письме фразеологический оборот "разбежались глаза". Если не читать русскую литературу, эти знания постепенно будут утрачиваться. Но я думаю, это не произойдёт. Как говорили наши знаменитые киносценаристы Габрилович и Фрид, каждый еврей - это потенциальный русский писатель, что и доказали своим творчеством. Если у нас состоятся переписка, а я просто обещаю отвечать на каждое письмо, то это будет хорошей тренировкой для вас в русском языке. И одновременно способом узнать из первых рук, что творится на нашей родине. Я употребляю это слово в связи с тем, что мои родители переехали в 1950 году из Горьковской области в Калининград (бывший Кёнигсберг), и всё моё детство прошло под впечатлением писем, которые они читали по вечерам. После ужина, когда мать всё убирала со стола и тщательно протирала стол, отец вскрывал конверт и, натянув очки, громко читал первую строчку: "Письмо с родины". Это был заголовок. При слове "родина" голос его надламывался, а у матери из глаз начинали течь слёзы. Видя такую реакцию, я испытывал некоторое беспокойство и печаль по поводу утраченной ими, а, значит, и мной, родины. Я окончательно успокоился только в 1978 году, когда, будучи студентом, съездил на свою историческую родину и убедился, что там нет ничего выдающегося, а горячо любимые моими родителями кусты орешника и пруд мало чем отличаются от орешника на немецкой земле в Кёнигсберге.

Моя мать успокоилась ещё позднее, только в 1979 году, когда схоронила отца. После этого она оставила мечту вернуться на родину. Так или иначе, но меня такие же чувства охватили после переезда в Минск, теперь я тоскую по своей родине в Калининграде и с волнением еду туда каждое лето.

Ещё немного о русском языке. Наш батька президент Лукашенко собирается ехать к Вам. Я слушал об этом его интервью сегодня утром по минскому радио. Он говорил о том, что пора развивать наши связи, поскольку у нас много общего в нашей истории. В составе делегации будут представители бизнеса, церкви и общественности. Будет паломничество к святым местам, а для равновесия и встреча с представителем палестинской администрации. Я надеюсь, что он не предложит им большую партию оружия, так как сейчас отношения с правительством Израиля для него важнее, чем желание что-то продать, чтобы поддержать бюджет. В связи с этим у меня будет просьба к Любе, не сейчас и не сразу, и в процессе развития наших отношений: по возможности пришли мне фотографии Иерусалимского храма в его теперешнем состоянии. О храме я иногда думаю под впечатлением книги Иосифа Флавия "Иудейская война". Я люблю иногда прочитать в ней несколько страниц и успокоиться. Замечание Любы о том, что земля каштанового цвета, меня заинтриговало. Я почему-то думал, что она должна быть жёлтой и серой, как в пустыне. Такую землю, каштановую, я видел в пустынях Казахстана, когда ехал на учении, в армии, к озеру Балхаш. Для Толи, знакомого с геологией, наверное никакого секрета в этом нет, это соли железа, меди и урана. Они дают красный и коричневый цвета. Цвет может меняться в течение года от температуры и влажности. Мы к такому цвету не привыкли, так как любой цвет у нас закрыт зелёной травой.

И упоминание о цветах. У меня сохранились детские воспоминания о цветущих кустарниках в Калининграде. Это были кусты шиповника и боярышника. Они цвели всё лето. И были везде. Это элементы немецкой парковой культуры. Потом все эти кусты были вырублены и выкорчеваны. Мне кажется, всё потеряно и навсегда. Но когда пошли индийские фильмы, я вдруг узнал, что цветущий парковый кустарник там очень популярен. Конечно, на теперешней вашей земле должно быть больше и всяких красок. Больше света и тепла. И, как всегда, одновременно что-то теряется, а именно, ядовито-зелёный августовский цвет растительности. Люба, наверное, это прочувствует. Я помню её рисунки, великолепно! Мне кажется, что Люба всегда будет рисовать и находить в этом и для этого вдохновение.

Я отправляю это письмо завтра утром, не буду дожидаться участия в этом Андрея и Саньки. Санька почти месяц собирался написать письмо своей двоюродной сестре Тане Сапрыкиной в Калининград. Таня поступила в этом году в университет на психологию и, полная впечатлений, написала письмо Саньке. Но такие впечатления Саньке ещё не по зубам, но кое-что он написал, о своих занятиях каратэ. И то хорошо. Санька закончил четверть без троек, а Андрей, занимаясь на двух подготовительных курсах, учась в заочной школе при Московском физтехе, не высыпаясь, сдал две математики и физику на пять, но схлопотал тройку по русской литературе. Андрей занимается усердно, "грызёт гранит науки", но такой яркой одарённости, как у Гриши, у него нет. Раннее детство, которое и определяет дальнейшее развитие человека, прошло на фоне американских мультфильмов. А в возрасте от пяти до шести лет он вдруг стал заикаться, что стало сдерживать нас в его развитии, но, вообще говоря, большая одарённость - это тоже большая проблема. Как чемодан без ручки; и нести тяжело, и бросить жалко. Талантливый человек более уязвим во многих отношениях и часто вокруг него завязываются большие интриги. И часто он бывает их жертвой. Но именно эти люди определяют развитие человечества. По итогам XX века, в результате опроса экспертов, журнал "Таймс" назвал человеком XX

века физика Альберта Эйнштейна, немецкого еврея, потом американца. В детстве я прочитал биографию этого человека и загорелся желанием поступить на физический факультет.

Сегодня по поручению Раи мы ездили с Санькой на Комаровку. Я носил сумки, а Санька торговался. Одна продавщица даже восхитилась им. "Какой самостоятельный мальчик", после чего, одержимый манией величия, Санька принялся командовать мною. Пришлось его немного сдержать. На Комаровке в толкучке подростки с рук продавали петарды. Якобы милиция запрещает их продажу, но из-за этого ажиотаж ещё больше. Санька за несколько дней купил их долларов на десять, а его друг Димка Тарасевич - на 40 баксов.

Конец письма утерян.

Моё письмо Володе Опекунову от 31 января 2000 г.

Здравствуй, дорогой Володя!

Ваше письмо от 4 января сего 2000 года прибыло в Мурманск 21 января да ещё пять дней пролежало у нас на почте в моём абонентском ящике (его номер **а/я 5352** желательнее указывать на конверте после номера квартиры перед индексом почтового отделения). Ответить я собрался только сегодня, 31 января, а получите Вы моё письмо ещё недели через три-четыре, если оно не затеряется где-нибудь по дороге, так что для оперативной связи наша (российско-белорусская) почта мало пригодна. Я уж и отвык, честно говоря, ей пользоваться. С дочкой общаюсь по телефону, а с сыном и друзьями-коллегами по электронной почте. Мой рабочий электронный адрес (e-mail):

namgaladze@mstu.edu.ru

Это так, на всякий случай. Способ связи современный и очень рекомендую его освоить через каких-нибудь знакомых, имеющих к нему доступ.

Ваше письмо весьма меня тронуло. Я даже не поленился перевести его вместе приложенными другими письмами с помощью сканера в электронную форму, что, впрочем, было не просто из-за скверного качества машинописных копий.

В конце письма Вы пишете: *"На этом я заканчиваю своё письмо с надеждой, что Ваш звонок был не случайным и он что-то означает, а именно, переворот в моей судьбе. Если же этого не будет, это тоже не страшно. Я буду рад получить от Вас ответ и вопросы, которые вас интересуют. Отвечу незамедлительно. Буду рад советам и предложениям, надеюсь на них."*

Переворота в Вашей судьбе я гарантировать не могу, хотя и не исключаю такого, разумеется. Во всяком случае, я был бы рад ему поспособствовать, и, может быть, что-нибудь полезное для Вас смогу сделать или, в крайнем случае, посоветовать.

Звонок мой был, конечно, не случайным. Вот отрывочки из моих дневниковых записей, сделанных в Калининграде, куда мы съехались встретить Новый 2000-й год с детьми и внуками.

"31 декабря 1999 г. После завтрака Ирина извлекла мне откуда-то два увесистых машинописных кирпича Володи Опекунова. Роман "Мой суровый друг" в двух частях по четырем страницам в каждой, а в конце иллюстрации. Самого Опекунова опять же. Плюс пара рассказов и тройка газетных заметок. Я от Опекунова слышал когда-то, что он роман пишет, но воспринять это всерьёз был не в состоянии. И вот - надо же! Роман.

Начал читать, но скоро утомился. Однако дочитаю, пожалуй, до конца. ...

3 января 2000 г. Поначалу я читал Опекуновский роман с натугой, временами раздражаясь даже, особенно когда встречал грамматические ошибки или стилистические ляпы. А потом ...

Уже второго числа вечером я зачитывал отдельные места вслух Сашуле и Иринке, а сегодня прочёл целых две главы Мите с Леной (*его девушка*). И вечером позвонил Опекунову в Минск, поговорил и с ним, и с Раей. Порадовал их своими впечатлениями о Володином романе. Это что-то!"

Так вот, Володя. Рецензию я писать не буду. Некогда. И романа нет под рукой, хотя было у меня поползновение уволочь его в Мурманск, но уж больно тяжёл. Есть там что покритиковать и слегка поправить. Но в целом ... Ай, да Опекунов! Дифирамбы петь не буду, дабы Вас не испортить, скажу только следующее.

1) Роман должен быть опубликован. Это не просто, требует разнообразных усилий и, возможно, финансовых затрат. Рассчитывать только на Минск в поисках издателя несерьёзно. Искать надо через Интернет, в первую очередь, по московским, питерским, а также уральским (Екатеринбург) и сибирским (Новосибирск, Томск, Иркутск, Красноярск) адресам, то есть по университетским городам, включая толстые журналы. С адресами я, возможно, смогу помочь, ибо планирую в этом году начать пристраивать свои мемуары ("Записки рыбакова-любителя", о которых Вам говорил Сергей Борисович Лебле) или их фрагменты. У меня доступ к Интернету прямо с рабочего стола, но проблема, чёрт побери (прости меня, Господи!), со временем.

2) Общение с издателями требует доступа к электронной почте и наличия в электронной форме хотя бы отрывков из романа. Чтобы привлечь внимание, не надо заставлять читать сразу весь роман, особенно если он не очень аккуратно напечатан, да ещё и с ошибками. Нужны аппетитные кусочки

(например, "Прощание славян"), нужна самореклама в виде завлекательных аннотаций. Не кирпичи же рассылать по белу свету!

3) Для перевода в электронную форму нужен компьютер и сканер. В Калининграде, например, как мне сказала Надя Тепеницина (помните, из кирхи?) это несложно сделать за умеренную плату в областной библиотеке. А лучше всего занять компьютер дома, он и Рае будет полезен, и детям (если только играми его не перегружать), хотя я понимаю, конечно, что это вещь затратная, но нынче-то и на работу приличную чтобы устроиться нужно владеть компьютером и английским, и для сыновей Ваших я бы на Вашем месте напрягся. И в Интернет чтобы пристраивать, нужна электронная форма рукописи, и в любом издательстве это уменьшит себестоимость.

4) Вы пишете: *"Очень приятно было услышать слова, хоть немного обнадеживающие меня в писательском деле. Как я говорил, руки мои опускаются и не хотят что-либо писать, хотя в голове планов "громадьё" (по В.В.Маяковскому)."*

А вот руки не надо опускать. Даже если скорые публикации и тем более гонорары не просматриваются напрямую. Это во многом дело случая и приходит обычно неожиданно. Так вот и не ждите, а пишите. Ваш читатель в наших странах (теперь якобы в почти единой стране) сегодня беден и неплатёжеспособен, поэтому издатели и не уверены в окупаемости таких произведений. Но так будет не всегда. Существуют и спонсоры. Можно издать и самому. Разбогатеть вот только на этом нынче трудно, но времена меняются так быстро!

Я во всяком случае буду теперь иметь в виду и Вас в своих будущих (предполагаемых) контактах с издателями и держателями сайтов в Интернете. Не исключаю, в принципе, что и сам открою свой сайт или самиздатом займусь. Но всё это на досуге, которого у меня немного. Кроме преподавательской, научной и административной (как завкафедрой физики Мурманского государственного технического университета) работы, я ещё и главный редактор научного журнала "Вестник МГТУ", который, кстати, размещён и в Интернете.

Ещё немного о нас. Александра Николаевна по-прежнему работает в Полярном Геофизическом Институте, где я тоже подрабатываю по совместительству. Митя готовит диссертацию по биохимии в аспирантуре университета города Констанц, расположенного на берегах Боденского озера (в него впадает и из него вытекает Рейн), что на самом юге Германии, на границе со Швейцарией, по которой Митя часто катается на велосипеде. До этого он полгода обретался в Италии, свободно владеет английским, итальянским и немецким языками, немного знает испанский. Я в последние годы тоже старательно изучал испанский (к своим среднему английскому и почти забытому немецкому), практикуюсь в нём в наших семейных поездках на отдых в Испанию и на Канары, ставших регулярными с 1996 года. В прошедшем 1999 году в октябре три недели отдыхали около Таррагоны, что в ста километрах от Барселоны. О жизни Ирины и Ивана в Калининграде Вы, наверно, знаете от них самих или от Лебле. Прошлой весной Ирина как-то вдруг окончила автокурсы и получила водительские права, что подвигло меня на аналогичный поступок, и я весьма неожиданно купил машину (ВАЗ 21043) и гараж, что добавило мне новых впечатлений и приключений здесь в Мурманске, особенно сейчас на заснеженных дорогах.

На этом заканчиваю. Желаю творческих успехов (в том числе в воспитании детей) Вам и Рае, которой я шлю самый сердечный привет не только как добрый знакомый, но и как навечно признательный бывший пациент.

На всякий случай мои телефоны в Мурманске:

8152 (код Мурманска)-26-25-66 (домашний)

-45-71-25 (кафедра)

-23-62-50 (он же факс; редакция).

Не стесняйтесь обращаться за советами.

Ваш А.А. Намгаладзе

31 января - 1 февраля 2000 г., Мурманск

Письмо Мити от 31 января 2000 г.

Привет!

Эта неделя была по-настоящему морозной; в её начале температура по утрам падала до -15°C , а в горах и до -25°C . В некоторых местах даже Боденское замёрзло. Утром в среду я по этому поводу отважился съездить в Алленсбах пофотографировать там рассвет над замёрзшим озером; увы из-за характерного высокого тумана солнце не появилось. К концу недели, однако, штормовой ветер принёс тёплый воздух, и сегодня температура уже около $+10^{\circ}\text{C}$.

На неделе было достаточно много работы, как у нас, так и в Университете. Ещё я занимался регистрацией на конференцию по биометаллам, которая будет проходить в конце апреля в Тюбингене; на этой неделе надо будет отправить туда абстракт. Кроме того, Ульрих попросил меня выступить с докладом на заседании так называемой Forschergruppe, объединения четырёх лабораторий (в том числе Ульриха), занимающихся сходной тематикой. Будет это 10 февраля, хорошо, что Ральф две недели назад делал аналогичный доклад на другом собрании - можно будет воспользоваться его прозвучками.

А на уикенд приезжала Лена. В пятницу вечером мы ходили на Майнау, где посетили выставку графики Хорста Янсена - очень известного современного немецкого художника. У него весьма своеобразная и авангардная манера письма - какие-то примеры можно найти здесь: ... (также .../land.htm, ../blumen.htm, ../tod.htm). После выставки мы ходили в гости к Ольге и Бернду. У них 19 числа родился мальчик, назвали Ромой. Ребенок очень спокойный и весьма милый. Родители в нём души не чают.

В субботу нам всё-таки удалось поехать в Цюрих с экскурсией от Auslandsreferat. Они заказали дополнительный автобус, поэтому всего уместилось более сотни человек. Сразу по приезду мы отделились от основной компании и пошли гулять самостоятельно по старому городу. Правда, пообедали мы вместе со всеми в университетской столовой, а потом снова отделились. Прошлись снова по шикарным магазинам на Bahnhofstrasse, в этот раз уже не так впечатляющих. К полудню погода совсем испортилась, задул практически штормовой ветер с дождём. Нам, впрочем, это уже не слишком мешало, так как последние два с половиной часа мы провели в картинной галерее Цюриха (Kunsthau), в которой собрано всего понемногу, наиболее разнообразно представлена эпоха импрессионизма и далее, также Пикассо, Миро, много Шагала. Очень даже неплохая коллекция. Kunsthau, пожалуй, останется главным впечатлением от этой поездки.

А вчера мы впервые побывали в нашем Археологическом музее, тоже благодаря экскурсии для иностранных студентов. Музей, действительно, сконцентрирован на археологии, там нет практически ничего по общей истории края без отношения к археологическим находкам. Наш экскурсовод не стал водить нас по всему музею, сконцентрировавшись лишь на нескольких залах. Особенное внимание уделялось сортиру как источнику археологических находок, от этой направляющей идеи экскурсовод не отклонялась и в последующей прогулке по старому городу, где мы залезли даже в одну из бывших клоак - узкую щель между задами старых домов.

Помимо этих походов мы опробовали некоторые новые блюда и обновили форму для запеканок, купленную на прошлой неделе. Сегодня же в шесть вечера Лена отправилась обратно в Вецлар; возможно она приедет снова на следующий уикенд.

Вот такие у нас новости.

Целуем. Митя, Лена.